

С. Ж. ТАЖИБАЕВА

**ЦЕЛЕВЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В ГЛАВНОЙ ЧАСТИ
(на материале казахского языка)**

В казахском языкознании семантические типы целевых сложных (полипредикативных конструкций) не были объектом специального исследования. В этой статье показаны семантические особенности одного из значений целевых полипредикативных конструкций (ППК) казахского языка.

Целевые отношения зачастую рассматриваются как особый тип причинно-следственных отношений. Так, Л. Теньер писал: «... придаточное цели, как и придаточное следствия, представляет собой противоположность придаточного предложения причины» (Теньер, 1988, с. 590). Через причинные объясняет отношения цели и А. П. Комаров, отмечавший, что цель – это «идеальная причина, повернутая из перспективы в настоящее и обуславливающая в нем свое реальное действие. Осознание необходимости достичь определенной цели выступает причиной побуждающей к действию» (Комаров, 1970, с. 28).

Русская академическая лингвистическая традиция противопоставляет в семантическом плане собственно целевые конструкции несобственно целевым. Собственно целевые конструкции характеризуются тем, что в главной части этих предложений говорится о целенаправленном, сознательном действии, а в зависимой раскрывается цель этого действия. В несобственно целевых предложениях значение цели деформируется, хотя форма выражения остается та же, что и в собственно целевых: «чтобы + инфинитив». Выделяются два типа построений: 1) предложения со значением необходимого основания и 2) предложения антицели. Первые, имеющие значение необходимого основания, лексически связаны: в их главной части обязателен лексический выразитель значения необходимости типа: *надо, нужно, понадобится, требуется* и др. В предложениях антицели событие совершается не по воле субъекта, а независимо от него: *Так мы встретились и разошлись, чтобы больше не увидеть друг друга* (Русская грамматика, 1980, с. 726).

Более дробную дифференциацию целевых предложений находим у С. Г. Ильенко, которая различает собственно целевые и противительно целевые сложные предложения. Противительно целевые предложения исследователь подразделяет на три типа: 1) условно-целевые предложения: *Чтобы быть замеченным, надо впасть в странности*; 2) причинно-целевые предложения: *Солдаты не решились выпрыгнуть, чтобы не разбежались другие арестованные*; 3) перечислительно-целевые предложения: *Глаза отца закрылись, чтобы больше никогда не открываться* (Ильенко, 1965, с. 135–144). Третий тип предложений, построенный по модели целевых, обычно, характеризуются, как антицелевые (См.: Русская грамматика, 1970, 1980 и др.).

В русистике много работ посвящено изучению структурных типов целевых конструкций. Исследователи выделяют разные структурные типы целевых конструкций. Изучались вопросы лингвистической интерпретации категории цели (Степанюк, 1972), парадигматики, синонимии целевых конструкций исследовалась на материале английского языка (Ягодникова, 1975). В русле идей функциональной грамматики проводит исследование целевых сложноподчиненных предложений Р. М. Теремова. На основании таких признаков, как активность / неактивность целенаправленность / нецеленаправленность субъекта действия она разграничивает два типа ситуации: ситуацию собственной цели и ситуацию назначения. Причем в собственно целевых выделяется ситуация мотивирующей цели – когда придаточная целевая часть передает желаемую причину: *Они воюют, чтобы им лучше жить*; и ситуацию результирующей собственной цели: когда придаточная целевая часть имеет результирующее, следственное значение: *Нет, он был слишком счастлив, чтобы анализировать настоящее*. Ср.: Он был слишком счастлив, так что не мог анализировать настоящее (1988, с. 25). С позиций семантико-синтаксической теории речевых актов описывает семантическую структуру целевых предложений русского языка И. А. Шаронов (1993, с. 113).

Итак, по-разному, представляя семантическую специфику цели, исследователи рассматривают цель в пределах категории причинности: одни относят ее с причиной, другие – со следствием. Лингвисты едины в том, что целевая семантика – это одна из форм языковой реализации причинно-следственных отношений. Несмотря на различные подходы к описанию целевых предложений, внутренняя специфика данных конструкций, особенности отношений, складываемые между частями предикативных единиц (ПЕ), не раскрыты.

Цель – это заранее мыслимый, ожидаемый и желаемый результат тех действий, которые произойдут в будущем и для достижения которого необходима активная, сознательная и преднамеренная деятельность человека.

Понятие цели неприменимо к природным явлениям, процессам. Их субъектом являются предмет, стихия, т. е. то, что не способно к активной и сознательной деятельности: *Дерево растет для того, чтобы создавать прохладу; Дождь идет, чтобы росли грибы*. Такие языковые единицы грамматически построены правильно, но выражают мнимую цель, так как лексическое наполнение данных фраз не позволяет говорить о целенаправленном действии. Целевое значение невозможно и в таких предложениях, где обозначается непроизвольное состояние или действие, независимое от контроля человека: *замерзнуть, вздрогнуть, чихнуть*. Цель «позволяет людям организовать свое поведение, предвидеть результаты осознаваемых действий» (Шамина, 2000, с. 185).

В то же время любой язык располагает и такими целевыми предложениями (их немного, но они есть), в которых субъект представлен неодушевленными предметами. Исследователи называют такие единицы констру-

циями назначения (Савичуте, 1980, с. 541). Примером конструкций назначения является следующая фраза казахского языка: *Шай қою болу үшін, астарында электроплиткада жуан бүйірлі құман қайнап тұр* (СМ, 25) – Чтобы чай был густым, рядом с ними на плитке кипит пузатый чайник.

В этой фразе можно выделить следующую цепочку семантических звеньев: 1) человек поставил чайник на плитку; 2) чтобы его вскипятить; 3) чтобы пить густой чай – конечная цель. В зафиксированной фразе первое звено, активное действие человека, устранено. Основное значение конструкций назначения заключается в выражении цели существования с точки зрения некоторого субъекта, чье действие вербально не выражено.

Таким образом, наличие активно действующего лица является обязательным условием для целевых предложений, в то время как для причинных предложений этот факт не столь существен. Причинно-следственные отношения формируются независимо от того, есть или нет субъект сознания. Причинно-следственные отношения как форма закономерной связи явлений объективной действительности не зависят от желания и воли говорящего (кроме того, что видит и говорит о ней человек).

В реальной действительности человек часто не знает, зачем и почему говорит. Но раз человек начинает общаться, то у него на это есть причина, следовательно, он преследует и какую-то цель, стремление к достижению которой управляет его решениями. Целеполагание не всегда осознается людьми, но оно присутствует в речи и имеет грамматическое выражение. В каждом конкретном языке оно индивидуально и подчиняется только законам этого языка.

Структурные и семантические типы целевых ППК казахского языка менее разнообразны, чем причинно-следственные конструкции. Цель представляет собой выражение сложной причинной связи, которая проявляется в языке по-разному.

При анализе смысловой организации целевых ППК казахского языка в качестве основной, значимой оппозиции мы принимаем противопоставление собственно целевых и несобственно целевых предложений.

Собственно целевые предложения выражают действие, являющееся запланированным, заранее задуманным. Для его реализации необходима активная, сознательная деятельность.

В казахском языке характер целевого значения существенно зависит от того, какой формой выражено сказуемое зависимой части и какова семантика финитного глагола в главной предикативной единице.

К несобственно целевым ППК относим ППК целевого долженствования.

К собственно целевым ППК мы относим такие синтаксические формы, где не предполагается никаких промежуточных действий между событием главной части, сообщающей о целенаправленном действии, и зависимой части, содержащей информацию о цели, для достижения которой и предпринято это действие.

Центральное место в системе целевых конструкций казахского языка занимают полипредикативные конструкции (ППК) с инфинитивно-последовательной формой зависимого сказуемого $Tv=y$ үшін, к ней примыкает аналитическая конструкция с показателем 'деп'. В казахском языке выделены три основные модели целевых ППК:

$$\begin{aligned} & \{[(N)Tv= y үшін] [Vfin. движение]\}, \\ & (N)Tv=айын] [Vfin. движение]\}, \\ & \{[(N)Tv=сын деп] [Vfin. движение]\}. \end{aligned}$$

В главной части целевых ППК функционируют глаголы с семантикой движения и перемещения в пространстве. Именно глаголы этой семантической группы способствуют выражению собственно целевых отношений. К ним примыкают конструкции, в главной части которых функционируют и другие акциональные глаголы. Периферию семантической системы составляют ППК с глаголами рече-мыслительного действия.

В данной статье уделено внимание лишь одной семантической разновидности целевых ППК, а именно конструкциям с глаголами движения в главной предикативной единице (ГПЕ).

В ППК казахского языка, выражающих собственно целевое значение широко используются различные глаголы движения и глаголы со значением перемещения в пространстве. На необходимость различать глаголы со значением движения и глаголы со значением перемещения в пространстве указывал еще Л. Теньер: «Различие движения и перемещения может показаться искусственным и бесполезным, но в действительности оно играет важную роль во многих языках и поэтому должно быть подвергнуто нами тщательному анализу... именно перемещение является целью, а движение есть всего лишь средство перемещения» (Терньер, 1988, с. 323).

Среди глаголов движения обычно выделяют глаголы направленного и ненаправленного движения; глаголы, обозначающие линейное круговое, разнонаправленное движение, движение, в вертикальной или горизонтальной плоскости, движение дифференцированное или недифференцированное (Золотова, 1982; Невская, 1997).

По нашим наблюдениям в казахском языке для выражения целевого значения используются следующие группы глаголов движения: *глаголы направленного движения в горизонтальной плоскости; глаголы движения в неопределенном направлении.*

Глаголы целенаправленного движения функционируют в главной части ППК. Движение живого существа, а особенно человека – сознательное действие, естественно предполагающую цель, ради которого это движение предпринимается. Особенность глаголов движения заключается в том, что они реализуют процесс, осуществляемый только одним субъектом и относятся к предельным глаголам.

Признак предельности у глаголов движения обычно связывают со способностью глагольной основы выражать направленность. Глаголы направленного движения предельны, поскольку обозначают направленность к достижению цели как пределу действия (Авилова, 1976, с. 8).

Д. М. Насилов считает, что «предельные процессы ориентированы прежде всего на достижение заключительной, консеквентной фазы, реализующей возникшее состояние, поэтому и семантический акцент обычно делается на эффективности результата действия» (Насилов, 1989, с. 157). Именно результат действия, передаваемый этими глаголами, находится в центре внимания целевых предложений.

В главной части казахских целевых ППК выступают глаголы с семантикой направленного движения в горизонтальной плоскости. Их основное назначение заключается в достижении цели. Это следующие глаголы: *кел* – ‘идти’, *кет* – ‘уходить, отправляться’.

В ППК с глаголами движения целевая семантика исходит от действия субъекта главной ПЕ, который предпринимает определенные, осознанные действия для достижения той или иной цели. Например: *Бұл тапсырманы да ойдағыдай орындап, тындырылған жұмысты хабарлау үшін, трест директорына келдім* (ҚӘ, 1984, с. 27) – Успешно справившись и с этим заданием, пришел к директору треста, чтобы отчитаться о проделанной работе; *Бір күні Бауыржан маузерін тағып, қылышын асынып, ақсақал жазушыларға сәлем беру үшін полковник формасымен Жазушылар одағына келді* (ӘН, с. 160) – Однажды Бауыржан, надев на себя маузер, меч, чтобы поприветствовать писателей-аксакалов, пришел в Союз Писателей; *Шыдау үшін, дегенімізге жету үшін келдік* (МӘ, 21) – Мы пришли (приехали) сюда, чтобы терпеть, чтобы достичь цели.

Специфической чертой тюркских языков является наличие пары соотнесительных глаголов *кел* и *бар*, противопоставленных по признаку ориентации их действия на субъект наблюдения: *бар* – ‘идти в противоположную сторону от места, где находится реальный или проецируемый субъект наблюдения’, *кел* – ‘идти по направлению к реальному или проецируемому субъекту наблюдения’.

Другую подгруппу с глаголами движения составляют примеры с однонаправленным глагол *кет* – ‘выходить / выезжать’. В главной ПЕ выражается желание и намерение субъекта в достижении поставленной цели. *Военкоматқа барып тіркелу үшін, аудан орталығы Ақжалға кеттім* (ӘН, 333) – Чтобы встать на учет в военкомат, поехал в районный центр Ақжал; *Ұрысты естімеу үшін кетіп қалдым* – Я ушел, чтобы не слышать ссоры; *Хамит Кенжебекті Ақмолаға апарып салу үшін, үйінен ерте шығып кетті* (АХ, 41) – Хамит, чтобы отвезти в Акмолу Кенжебека, выехал рано из дома.

Ср. сложное предложение русского языка с глаголами движения: *Михаил поспешил поскорее выйти, чтобы мать не заворчала сильней* (М. Приш-

вин); *Отец бежал, просил, унижался, ходил к губернатору, чтобы меня не исключили* (А. Грин) (примеры Гусман Тирадо, 1998, с. 114).

Глагол-сказуемое главной предикативной единицы *жүр*– ‘идти’ выражает стремление субъекта к достижению намеченной цели:

Момынбайдың алдағанын біліп, кек алу үшін, қарашылар Момынбайдың үйіне қарай жүрді (ҚӘ, 24) – Узнав, что Момынбай их обманул, чтобы отомстить, стражники направились к дому Момынбая; *Жолдасының жел өтіне тоңа бастаған беті–мұрнын сақтау үшін сырт айналып, арқасымен шегіне жүрді* (МӘ, 11) – Чтобы защитить и не обморозить на холодном ветру лицо и нос друга, он повернувшись, шел спиной вперед; *Мен бой жазу үшін гимнастика зальна барып жүрдім* (ӘХ, 25) – Чтобы размяться, я ходил в гимнастический зал.

К собственно целевым конструкциям относим и такие ППК, в которых в главной предикативной единице функционируют глаголы с семантикой изменения положения в пространстве и перемены состояния: *төмендеу* – ‘снижаться, идти на посадку’; *тұру* – ‘вставать’. Эти глаголы целенаправлены. Примеры: *Біздің самолет Борисполь аэропортына қону үшін төмендеді* (СЛ, 24) – Чтобы приземлиться в аэропорту Борисполь наш самолет пошел на посадку; *Ел жатсын деп басқа жерге келіп отырды* (КЕ, 179) – Чтобы люди легли, он пересел на другое место; *Марат төсекке жату үшін орнынан тұрды* – Чтобы лечь в постель, встал с места.

В главной части целевых ППК может передаваться значение ‘отказ от движения’. В этом случае, функционируют глаголы с семантикой *тоқтау* – ‘перестать двигаться, прекратить что-либо делать’. Эти глаголы указывают на отсутствие движения вследствие его прекращения. Проиллюстрируем примеры:

Олар аттарын тынықтыру үшін тоқтады (АД, 194) – Они остановились, чтобы дать отдых лошадям; *Демалу үшін машинаны тоқтаттық* – Чтобы отдохнуть, остановили машину; *Балалар демалсын деп жатқыздық* – Чтобы дети отдохнули, уложили их спать.

Хотя в главной ПЕ функционируют глаголы с отрицательной семантикой, указывающие на отсутствие движения, вследствие его прекращения, тем не менее передается определенная мотивация, обусловленная желанием субъекта действия.

Действие субъекта целенаправленно и мотивируется его желанием и во фразах с отрицательным компонентом в зависимой части:

Ментайдың бетіне тура қарамау үшін тоқтап қалды (ӘН, 288) – Чтобы не смотреть прямо в лицо Ментай, он остановился; *Достардың үстіне ешкім оқыс кіріп келмес үшін, Планше есік алдында тұрып қалды* (АД, 444) – Чтобы никто неожиданно не помешал его друзьям, приостановился (встал) у двери.

Проиллюстрируем другой пример: *Дәптеріңді өзіңе қайтарып берейін деп, алпыс екінші бөлмеге бардым* (ЭН, 386) – Чтобы вернуть тетрадь, я пошел в 62 комнату.

Главная предикативная единица (ПЕ) может быть понята в отрыве от контекста, без зависимой части: *Я пошел в 62 комнату*. Здесь выражается целенаправленное действие субъекта, мотивированное его желанием. Желание субъекта проявляется и в его действии – *вернуть тетрадь*. Модусный компонент с семантикой желания не выражен, но он подразумевается. Если восстановить все звенья логико-семантической цепи высказывания, то получится развернутый вариант: *Я пошел в 62 комнату, желая вернуть тетрадь*. В том случае, когда субъект не наделен сознанием, действие теряет целенаправленность и предложения, описывающие такие действия, не могут быть сложными (полипредикативными). Например, в русском языке: *Орел падает, чтобы схватить добычу* и *Камень падает (чтобы разрушить мост)*. Такие фразы нельзя преобразовать в сложноподчиненные целевые предложения (Шаронов, 1993, с. 114).

Таким образом, в собственно целевых полипредикативных конструкциях значение цели вытекает из закономерной связи значения движения. Привлеченный к анализу материал целевых конструкций казахского языка с глаголами движения убедительно показывает, что движение есть типичное проявление осознанной деятельности. Все живое движется, следовательно, преследует определенную цель, мотивированную желанием субъекта. Лексико-семантические группы глаголов движения не отличаются богатой синонимией, они однотипны.

В исследовании, проведенном на материале генеративных предложений русского языка, Р. Гусман Тирадо отмечает, что термины «целевое значение», «целевые отношения», «целевые придаточные» не совсем точны и «их следовало бы заменить какими-то другими, более адекватно отражающими суть дела». Но здесь, как отмечает ученый «мы бы вступили в спор с традицией, не оставляющей надежды на выигрыш» (Гусман Тирадо 1998, с. 117). Анализ целевых ППК казахского языка позволяет нам присоединиться к мнению испанского лингвиста. Целевые конструкции представляются нам как особый случай «компрессии» причинных полипредикативных предложений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
 Русская грамматика. М., 1970.
 ГУСМАН ТИРАДО Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке. Воронеж, 1998.
 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука. 1982.
 КОМАРОВ А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи. Алма-Ата, 1970.

Ильенко С. Г. Сложноподчиненные предложения в в различных сферах языкового употребления // Вопросы синтаксиса и лексики русского языка: Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1965. Т. 268.

НАСИЛОВ Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989.

НЕВСКАЯ И. А. Типология локотивных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.

САВИЧУТЕ Г. С. Предикаты цели и предикаты каузации // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 6.

СТЕПАНЮК С. В. Дифференциальные признаки синтаксической категории цели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1972.

Русская грамматика. Синтаксис. М., 1980. Т. 2.

ТЕНЬЕР Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

ТЕРЕМОВА Р. М. Функционально грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1988.

ШАМИНА Л. А. Каузальные сложные предложения в тувинском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. Ч. 3. С. 183–186.

ШАРОНОВ Н. А. О нестандартных типах предложений со значением цели // Каузальность и структура рассуждений. М., 1993. С. 112–119.

ЯГОДИКОВА О. Г. Синтаксические структуры со значением цели в современном английском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1975.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АД А. Дюма. Уш ноян. Алматы, 1970.
 ЭН Э. Нұршайықов. Махаббат мол жылдары. Алматы, 1972.
 FM F. Мұсрепов. Таңдамалы өңгімелер. Алматы, 1976.
 ҚЕ Қазақ ертегілері. Алматы, 1983.
 ҚӘ Қазақстан әйелдері. Журнал.
 МӘ М. Әуезов. Таңдамалы өңгімелер. Алматы, 1972.
 CM C. Мұқанов. Ботакөз. Алматы, 1970.